

Виктор Пелевин

Желтая стрела

ФТМ

Виктор Олегович Пелевин

Желтая стрела

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138213
В.Пелевин Все повести и эссе.: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 978-5-4467-0290-9

Аннотация

Поезд, идущий в никуда и в никогда, – место действия повести «Желтая стрела». Этот поезд – единственное живое пространство, в котором существуют ее (повести) персонажи. Фантастика? Антиутопия? Игровой прием? И то, и другое, и третье, впрочем, как всегда у Пелевина.

Содержание

12	4
11	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктор Пелевин

Желтая стрела

12

Андрея разбудил обычный утренний шум – бодрые разговоры в туалетной очереди, уже заполнившей коридор, отчаянный детский плач за тонкой стенкой и близкий храп. Несколько минут он пытался бороться с наступающим днем, но тут заработало радио. Заиграла музыка – ее, казалось, переливали в эфир из какой-то огромной общепитовской кастрюли.

– Самое главное, – сказал невидимый динамик совсем рядом с головой, – это то, с каким настроением вы входите в новое утро. Пусть ваш сегодняшний день будет легким, радостным и пронизанным лучами солнечного света – этого вам желает популярная эстонская певица Гуна Тамас.

Андрей свесил ноги на пол и нащупал свои ботинки. На соседнем диване похрапывал Петр Сергеевич – судя по энергичным рывкам его спины и зада, прикрытого простыней с треугольными синими штампами, он собирался провести в объятиях Морфея еще не меньше часа. Было видно, что Петру Сергеевичу нипочем ни утренний привет Гуны Тамас, ни коридорные голоса, но другим его воздушная кольчуга по-

мочь не могла, и новый день для Андрея бесповоротно начался.

Одевшись и выпив полстакана холодного чая, он сдернул с крючка полотенце с вышитым двухголовым петухом, взял пакет с туалетными принадлежностями и вышел в коридор. Последним в туалетной очереди стоял бородатый горец по имени Авель – на его большом круглом лице отчего-то не было обычного благодушия, и даже зубная щетка, торчавшая из его кулака, казалась коротким кинжалом.

– Я за тобой, – сказал Андрей, – а пока покурить схожу, ладно?

– Не переживай, – мрачно сказал Авель.

Когда за Андреем защелкнулась тяжелая дверь с глубоко вцарапанной надписью «Локомотив – чемпион» и небольшим заплеванным окошком, он вспомнил, что сигареты у него кончились еще вчера. К счастью, сразу за дверью сидел наперсточник, вокруг которого стояло несколько человек. Андрей стрельнул штуку «дорожных» у одного из зрителей и встал рядом.

Наперсточник был старым и морщинистым, похожим на умирающую обезьяну, и пустая пивная банка для милостыни пошла бы ему куда больше, чем три коричневых стаканчика из пластмассы, которые он медленно водил по куску картона. Впрочем, это мог быть патриарх и учитель – ассистенты у него были очень внушительные и крупногабаритные. Их бы-

ло двое, в одинаковых рыжих куртках, сшитых китайскими политзаключенными из на редкость паршивой кожи; они довольно правдоподобно ссорились, пихали друг друга в грудь и по очереди выигрывали у наставника новенькие пятитысячные бумажки, которые тот подавал им молча и не поднимая глаз.

Андрей отошел в сторону и прислонился к стене у окна. Радио угадало – день был и правда солнечный. Косые желтые лучи иногда касались приподнимающейся лысины наперсточника, клочковатые остатки седых волос на его голове на миг превращались в сияющий нимб, и его манипуляции над листом картона начинали казаться священнодействием какой-то забытой религии.

– Эй, – сказал один из ассистентов, поднимая голову, – ты чего дымишь? Тут и так воздух спертый.

Андрей не ответил. Можно письмо в газету написать, подумал он, – мол, братья и сестры, слышал я, у нас и воздух сперли.

– Глухой? – окончательно выпрямляясь, повторил ассистент.

Андрей опять промолчал. Ассистент был не прав по всем понятиям – территория здесь была чужая.

– Кручу, верчу, много выиграть хочу, – вдруг проскрипел наперсточник.

Видимо, это был условный знак – ассистент все понял, дернул головой и сразу же вернулся к прерванной перебран-

ке с напарником. Андрей последний раз затянулся и кинул окурок им под ноги.

Очередь как раз подошла. Авель куда-то исчез, и перед Андреем осталась только женщина с грудным ребенком на руках. Против ожиданий они управились очень быстро.

Закрыв за собой дверь, Андрей включил воду, поглядел на свое лицо в зеркале и подумал, что за последние лет пять оно не то что повзросло или постарело, а, скорее, потеряло актуальность, как потеряли ее расклешенные штаны, трансцендентальная медитация и группа «Fleetwood Mac». Последнее время в ходу были совсем другие лица, в духе предвоенных тридцатых, из чего напрашивалось множество далеко идущих выводов. Предоставив этим выводам идти туда в одиночестве, Андрей почистил зубы, быстро умылся и пошел к себе.

Петр Сергеевич уже проснулся и сидел у стола, почесываясь и перелистывая старый номер «Пути», который Андрей выменял вчера у цыгана на банку пива, но так и не стал читать.

– С добрым утром, Андрей! – сказал Петр Сергеевич и ткнул пальцем в газету. – Вот пишут: существование снежного человека можно считать документально доказанным.

– С добрым утром, Петр Сергеевич, – сказал Андрей. – Ерунда это. Вы сегодня опять всю ночь храпели.

– Врешь. Правда, что ли?

– Правда.

– А ты свистел?

– Свистел, свистел, – ответил Андрей. – Еще как. Только без толку. Вы когда на спину переворачиваетесь, сразу начинаете храпеть, и потом уже все бесполезно. Лучше б вы себя привязывали, чтобы на боку лежать все время. Помните, как вы в прошлом году делали?

– Помню, – сказал Петр Сергеевич. – Я тогда моложе был. Сейчас мне так не уснуть. Ой, беда какая. Это все нервы у меня. Я ведь раньше, Андрюша, до реформ этих ебанных, никогда не храпел. Ну ничего, придумаем что-нибудь.

– Чего еще пишут? – кивая на газету, спросил Андрей. Пока Петр Сергеевич не начал вспоминать о том, что было до реформ, его мыслям надо было дать какое-нибудь направление.

Водя пальцем по зеленоватому листу и однообразно матерясь, Петр Сергеевич принялся пересказывать передовую статью, а Андрей, кивая и переспрашивая, стал обдумывать свои планы на день. Сперва предстояло идти завтракать, а потом надо было пойти к Хану – к нему имелось какое-то смутное дело.

В ресторане, длинном и узком помещении с десятком неудобных столиков, было еще пусто, но уже пахло горелым, причем казалось, что сгорело что-то тухлое. Андрей сел на свое обычное место у окна, спиной к кассе, и, щурясь от солнца, поглядел в меню. Там были только пшенка, чай и «коньяк азербайджанский». Андрей поймал взгляд официанта и утвердительно кивнул. Официант показал пальцами что-то маленькое, граммов на сто, и вопросительно улыбнулся. Андрей отрицательно помотал головой.

Горячий солнечный свет падал на скатерть, покрытую липкими пятнами и крошками, и Андрей вдруг подумал, что для миллионов лучей это настоящая трагедия – начать свой путь на поверхности солнца, пронестись сквозь бесконечную пустоту космоса, пробить многокилометровое небо – и все только для того, чтобы угаснуть на отвратительных останках вчерашнего супа. А ведь вполне могло быть, что эти косо падающие из окна желтые стрелы обладали сознанием, надеждой на лучшее и пониманием беспочвенности этой надежды – то есть, как и человек, имели в своем распоряжении все необходимые для страдания ингредиенты.

«Может быть, я и сам кажусь кому-то такой же точно желтой стрелой, упавшей на скатерть. А жизнь – это просто грязное стекло, сквозь которое я лечу. И вот я падаю, падаю, уже

черт знает сколько лет падаю на стол перед тарелкой, а кто-то глядит в меню и ждет завтрака...»

Андрей поднял глаза на телевизор в углу и увидел какое-то примелькавшееся лицо, беззвучно открывающее рот перед тремя коричневыми микрофонами. Потом камера повернулась и показала двух человек, которые яростно толкались у другого микрофона, – с бесстыдным русским фрейдизмом хватая друг друга за одинаковые рыжие галстуки.

Подошел официант и поставил на стол завтрак. Андрей посмотрел в алюминиевую миску. Там была пшенка и раставший кусок масла, похожий на маленькое солнце. Есть совершенно не хотелось, но Андрей напомнил себе, что следующий раз попадет сюда в лучшем случае вечером, и стал стойчески глотать теплую кашу.

Появились первые посетители, и ресторан стал постепенно заполняться их голосами – у Андрея было такое ощущение, что на самом деле тишина оставалась ненарушенной, просто помимо нее появилось несколько притягивающих внимание раздражителей. Тишина была похожа на пшенку в его миске – она была такой же густой и вязкой; она деформировала голоса, которые звучали на ее фоне отрывисто и истерично. За соседним столом громко говорили о снежном человеке, которого будто бы видела вчера какая-то сумасшедшая старуха. Андрей сначала прислушивался к разговору, а потом перестал.

Напротив него уселся румяный седой мужчина в строгом

черном кителе с небольшими серебряными крестиками на лацканах.

– Приятного аппетита, – сказал он, улыбнувшись.

– Да бросьте вы, – сказал Андрей.

– Что это вы такой мрачный? – удивленно спросил сосед.

– А вы чего такой веселый?

– Я не весел, – ответил сосед, – я радостен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.